

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.65.19>

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЛЬФАКТОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ШЕКСПИРА (НА ПРИМЕРЕ СОНЕТОВ)**

Научная статья

Пугачева Е.Ю.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0000-7708-3180;

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (elena_pugacheva218[at]mail.ru)

Аннотация

Цель статьи — изучить семантическую ёмкость ольфакторных единиц в малой поэтической форме. Комплексом методов (этимологическим, компонентным, контекстологическим, интерпретационным, интертекстуальным) проанализирован корпус сонетов на предмет «встраивания» определённого набора метафорико-символьных компонентов внутрь семантики слова. В результате фиксируется не просто количественное увеличение входящих в ольфакторное поле элементов, но его качественное изменение за счет реализации множественных значений разных семиотических систем. Совокупный материал исследования позволяет установить, что обогащенные таким образом одорологические элементы способны не только отражать языковую картину мира создателя, но и заметно амплифицировать ее. Теоретическая значимость исследования связывается с выдвиганием теории «многослойности семантического багажа» ольфакторных единиц: от базового словарного до поликодового исторического.

Ключевые слова: лингвистика дискурса, одорология, ольфакторика, поликодовость текста, поэтический дискурс, семантическая ёмкость слова, Шекспир.

**LEXICAL AND SEMANTIC POTENTIAL OF OLFACTORY VOCABULARY IN SHAKESPEARE'S POETIC
DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF SONNETS)**

Research article

Pugacheva E.Y.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0000-7708-3180;

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (elena_pugacheva218[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the article is to study the semantic capacity of olfactory units in a small poetic form. Using a set of methods (etymological, component, contextological, interpretative, intertextual) the corpus of sonnets is analysed for the 'insertion' of a certain set of metaphorical-symbolic components inside the semantics of the word. As a result, not just a quantitative increase of the elements entering the olfactory field is recorded, but its qualitative change due to the implementation of multiple meanings of different semiotic systems. The cumulative material of the study makes it possible to establish that the odorological elements enriched in this way are able not only to reflect the linguistic worldview of the creator, but also to amplify it noticeably. The theoretical significance of the research is associated with the advancement of the theory of 'multilayered semantic baggage' of olfactory units: from basic vocabulary to polycode historical one.

Keywords: discourse linguistics, odorology, olfactorics, polycodality of text, poetic discourse, semantic word capacity, Shakespeare.

Введение

Системные связи между словами всегда привлекали внимание лингвистов [1, С. 5-7], [8]. Упорядоченность часто воспринимается лексикологами как свойство синхронии: в каждый заданный момент времени семантическая структура слова фиксирует как предсказуемые характеристики смежности, так и отличительные свойства. Избыточность, как известно, языком не приветствуется; и со временем происходит такой семантический сдвиг, при котором возникают новые, порой непредсказуемые компоненты значения. Подобные изменения требуют пересмотра изначально устойчивой системы. К этому сдвигу следует добавить уникальные условия существования того или иного поля, что, безусловно, нагружает семантический потенциал лексических единиц (далее ЛЕ). Так что же происходит с лексическо-семантическим потенциалом упорядоченных единиц в диахронии?

М.В. Игнатович называет условия такого изменения «культурной адаптацией» и отмечает её высокую способность к формированию новых имплицитных смыслов. Автор пишет: «Вплетение особой лексики в художественную ткань произведения является мощным стилиобразующим приемом», а также «отражением особенностей культуры своей страны» его создателем [6, С. 3]. Материал исследования выбран не случайно. Шекспир жил в эпоху глубинных трансформаций языка: из гибких, неустойчивых конструкций создавался глобальный язык торгово-экономических отношений; нередко писателям приходилось создавать неологизмы или вводить в речь новые значения уже существующих слов [3, С. 298-299].

Объектом представленного исследования является поле одорологических единиц сонетов. Предметом рассмотрения стало имплицитное наращивание семантики, произошедшее за счет смены исторических эпох,

экономических формаций, религиозной идеологии, а также перехода английского языка на качественно иной уровень по сравнению с оригинальным авторским. Цель статьи — определить лексико-семантический потенциал ольфакторных вкраплений в поэтическом дискурсе Шекспира на текущий момент развития английского языка.

Методы и принципы исследования

Для достижения поставленной цели пошагово решаются следующие взаимозависимые задачи:

- 1) методами этимологического и компонентного анализа собрать словарную основу лексико-семантического поля (далее ЛСП) с ядерным компонентом «Smell» в английской языковой картине мира;
- 2) методом сплошной выборки выявить отрезки ольфакторного описания в сонетах;
- 3) методом контекстуального анализа выявить семантический радиус их применения;
- 4) методом интертекстуального анализа определить круг концептуальных метафор, формирующих ольфакторность в указанных стихотворениях;
- 5) методом интерпретационного анализа произвести выводное знание. Основной принцип исследования — принцип концептуального единства.

Основные результаты

Практическая ценность предпринятого исследования заключается в том, что работа в русле стилистики декодирования и аналитического чтения позволяет воспитать вдумчивого читателя, способного к самостоятельному идейно-эстетическому анализу прочитанного. Глубокое проникновение в текст, использование не только эксплицитных основ, но привлечение широкого дополнительного материала способствуют как формированию Личности, так и собственно языка — как обратного воздействия искусства на жизнь общества. Подчеркнем, что «импликационал — важный фактор динамичности и адаптивности лексической системы языка, чутко реагирующий на открываемые человеческим познанием связи» [1, С. 59]. Изучение семантического потенциала ольфакторной лексики следует отнести к особому междисциплинарному исследованию, в чем мы усматриваем теоретическую значимость проведенной работы.

Обсуждение

Тщательный компонентный анализ по группе словарей [13], [14], [15], [16], [17] позволил зафиксировать автору статьи следующее количество ЛЕ, компилирующих лексико-семантическое поле с ядерным компонентом «Smell»: 21 имя существительное, 33 прилагательных, 10 глаголов. Отмечается не только повышенная плотность английского ольфакторного ЛСП по сравнению с соответствующим русским, в котором «выясняется весьма небольшой объём (всего 7 вхождений)» [11], но и большая детализированность значений. Установлено, что лексико-семантическая группа ольфакторных единиц обладает целым рядом семантических категорий:

- 1) категория оценки (приятный / неприятный запах): Положительная оценка зафиксирована лишь в 10% единиц изучаемого ЛСП; следовательно, английский язык имеет тенденцию сохранять в семантическом багаже слов именно отрицательную оценку запаха;
- 2) категория действия (интуитивного предвкушения / выискивания информации с приложением усилий);
- 3) категория аппарата действия (нос — как наиболее выдающаяся часть тела — коррелирует с любопытством / инструментом обнаружения);
- 4) категория «обозначение социального уровня носителя запаха» (пахнущие люди — ведущие маргинальный образ жизни / принадлежащие элите). Эта категория свойственна субстантивным именам прилагательным;
- 5) категория «уподобление способностям животных» (улавливать тончайшие запахи — крысы / издавать вездливые запахи — рыбы). У ольфакторных ЛЕ, проявляющих это качество, отмечается высокая степень идиоматичности;
- 6) категория «ограниченности использования», выявленная у ольфакторных единиц, тяготеющих к сленгизации и табуированности». Представленная категория переживала расцвет в эпоху Викторианства (1837–1901), подавлявшего и пресекавшего все, что относилось к естественным нуждам и функциям человеческого тела [8, С. 163];
- 7) категория «заимствования»: 42,2% выявленных ольфакторных единиц имеют романское происхождение. Тяготение к интернационализации имеет яркую морфологическую выраженность в многосложности слов, в то время как категория «локальности» выражена краткими, образными лексическими единицами.

В поэтическом дискурсе У. Шекспира (1564–1616) 7 из 154 сонетов имеют ольфакторные компоненты. Первые пять (под номерами №54, 69, 94, 95, 99) посвящены Светлому Другу, последние два (№130, 141) посвящены Смуглой Леди. Для инициального анализа приведем сонет полностью, в дальнейшем ограничимся небольшими отрывками.

O how much more doth beauty beauteous seem
By that **sweet ornament** which **truth** doth give!
The rose looks **fair**, but **fairer** we it deem
For that **sweet odour** which doth in it live.
The **canker blooms** have full as deep a dye
As the **perfumed tincture of the roses**,
Hang on such **thorns**, and play as wantonly,
When **summer's breath** their maskd buds discloses;
But, for their **virtue** only is their show,
They live unwooed, and unrespected fade,
Die to themselves. **Sweet roses** do not so,
Of their **sweet deaths are sweetest odours made**:
And so of you, **beauteous** and **lovely youth**,
When that shall **vade**, by verse distils your **truth** [12, С. 162].

Представленное стихотворение являет собой гимн красоте. Сонет открывается серией стилистических средств, передающих восторг автора. К ним относятся междометие «О!», инверсия «How much more doth beauty», повторы ЛЕ *beauteous* (в устаревшей форме и различных степенях сравнения 3 раза); *truth* (2 раза), *sweet* (5 раз), *rose* (6 раз), *smell* (4 раза). Выделенные повторы ольфакторной лексики не просто акцентируют значимость объектов описания, но подчеркивают сему «воспевания качеств», «личной вовлеченности» и «высокой оценки поэта». Метафорический эпитет *сладкий (запах)* позволяет установить эллипсис *сладкая роза* и далее — метонимию *сладкая смерть*. Роль ольфакторной лексики в этом сонете включает не просто обозначение общей референтной отнесенности; она способствует преодолению линейности текста и выходу на сложные межуровневые связи.

Известно, что сонеты Шекспира ярко выделялись на фоне тюдоровской литературы: они были настоящим открытием своего времени. Вместо пиететных возгласов к вымышленным возлюбленным Шекспир явил миру откровенные обращения к живым, хоть и неназванным, личностям. «Интимная лирика», как по-другому называется его сонетное творчество, местами эпатажна, что, несомненно, приводило первых читателей в недоумение. Отсюда — бытовавшее в тюдоровскую эпоху мнение о шекспировском слоге как о «не комильфо».

Не только в лексике шекспировский сонет выходил за рамки условностей. Драматургическая форма подачи материала поражала естественностью охватившего поэта чувства. Хотя синтаксически сонеты не представляли собой целостного литературного произведения, они составляли «лирический дневник», отражающий события сердечной жизни автора с многочисленными противоречиями, собственными подлинным чувствам.

Выявленные повторы наделяют сонет №54 иерархичностью смыслов и синтаксической структурой: текст открывается октавой, построенной на двух рифмах и состоящей из двух катренов, представляющих собой смысловое единство — тезис, сообщающий читателю главную идею произведения — красоту в категориях флоры и религии. Метафорический перенос весьма прозаичен: красота цветка (как источника благоухания), как и красота правды (как источника кристальной чистоты), хрупки и божественны по своей природе.

По сведениям В.В. Похлебкина, роза была не просто флористическим символом Англии, но личной эмблемой династии Тюдоров, которой пользовались для неофициальных, частных посланий [9, С. 74]. Этимологически ЛЕ «роза» восходит к древнеармянскому *бротос* (букв. *цветок*), что по созвучию приобрело значение *окровавленный*. Религиозно-идеологический уклон тюдоровского общества позволил уподобить елейный «цветок-рану» стигматам Христа, а позже и вовсе соединил оба образа воедино. Словосочетание *unter der Rosen* (нем. под розой) означает «сохранить что-либо в тайне», «под оком Христа» [9, С. 351]. Это слово интересно и в мировоззренческом плане, поскольку философское рассуждение поэта о жизни, смерти и бессмертии заканчивается неявным смешением языческих и христианских категорий.

В поэтическом дискурсе Шекспира ЛЕ *роза*, входящая в изучаемое ЛСП, развивает дополнительную сему «истинности», «безгрешности», «божественности». В сонете №54 ольфакторные единицы развивают сему «вневременной, непреходящей ценности». Каждая строка сонета интенсифицируется с помощью устаревшей формы вспомогательного глагола *doth*. Этой же цели (цели утверждения указанной ценности) вторит использованное поэтом местоимение 1-го лица множественного числа — *we*, которое не просто объединяет людей одного возраста, исторического периода или общего языка, но всего человечества. Вне зависимости от прочих факторов, верность — основа основ. Вот почему хиазмический повтор и антитеза 3 и 4 строк сигнализирует о гиперсемантизации: роза славится ароматом, как вера — истинностью, а Тюдоры — религией.

Во втором катрене изысканная роза противопоставляется выродившемуся шиповнику. В контексте сонета *canker blooms* представляет собой необычное полуотмеченное словосочетание (излюбленный приём Шекспира), что можно перевести как *червоточина*. Использование ольфакторной лексики приводит к развитию дополнительного образа — образа раковой опухоли. В современном мировосприятии многие болезни имеют тесную связь с запахами, или их полным отсутствием.

Создание антитез в анализируемом сонете происходит на всех языковых уровнях, включая синтаксический. Секстет, состоящий из двух терцетов, яркий тому пример: первый вербализует идею, которая выражена в октаве, а в последнем терцете осуществлялся синтез всего сказанного. Ценность розы, то есть «сочетание внешней изысканности и внутреннего благоухания», превращается в противоположность — «показушность», лицемерие, внутреннюю гниль. В монографии Е.Ю. Петришиной о религии Викторианства также отмечается, что благочестивые принципы Протестантизма внутри были пропитаны ханжеством, свойственным человеческой натуре [8, С. 60].

Синтез основополагающих идей, вербализующих самостоятельное значение, выражается в двух последних строках сонета. С их помощью реципиент улавливает параллель, что ценностью простого земного человека, его розой, звездой и Мессией выступает возлюбленный, лик которого, в отличие от лика розы, сохранить возможно. Именно поэзия выступает тем алхимическим соединением, той эссенцией, что способны дистиллировать и навеки оставить неизменным возлюбленного. По степени релевантности для восприятия всего сонета финальные строки получили название *эпиграмматических*.

Общее содержание сонета №69 сводится к противопоставлению безупречности образа светлого Друга в глазах общества и его осквернение «за глаза», в виду зависти и ревности последнего:

Then, churls, their thoughts (although their eyes were kind)
To thy **fair flower** add the rank smell of weeds:
But why **thy odour matcheth** not thy show,
The **soil** is this, that thou dost common grow [12, С. 194].

Противопоставление толпы и Героя звучит не только на уровне ольфакторной лексики: *odour* — *smell*, но и метафорически *flower* — *weeds* и грамматики, например, местоимений множественного и единственного числа *their* — *thou*. Во времена Шекспира местоимение *thou* использовалось в религиозном дискурсе для обращения к Богу. Такое же дискурсное расслоение наблюдается в ЛЕ *soil*, которая во времена Шекспира писалась иначе — *solve*, и обозначала не

только «почва», но и «моральное пятно», «грех», «порок» [12, С. 194]. Указанная игра слов создает не только амбивалентность прочтения, но и актуализирует информативный вес слова. И.В. Арнольд отмечает: «Описание системы разноречивых компонентов признается новой и актуальной задачей лексикологии. Особенно перспективным является анализ взаимодействия разных семиотических систем» [1, С. 72].

Выявленные темы и образы сонета №54 не просто повторяются, но продолжают развиваться, аккумулируя новые семантические приращения. Деперсонализация «человек — цветок — запах» поддерживается местоименным замещением и сопровождается предикативной номинацией: цветок противопоставляется сорнякам. Оказиональная экспрессивность ольфакторной лексики обеспечивается также её сильной конечной позицией. Дальнейшее семантическое осложнение связано с импликационалом слова *soil* (почва), ассоциируемого здесь с аристократическим Обществом, Двором Елизаветы, которому принадлежат и обязаны своим существованием и Герой, и осуждающие его. Тюдоровскому нобилитету не была свойственная мягкость или учтивость: там царили подозрительность и острословие [15, С. 315–318]. Можно утверждать, что семантический багаж ольфакторной лексики, внесенный стилистическим контекстом, создается множественными связями одновременно. Функция импликационала ключевого слова *smell* оказывается движущей силой развития сюжета представленного сонета.

Сонет №94 относится к числу тех, которые столетиями вызывают споры исследователей многих специальностей. Согласно одной версии, строки 1–10 описывают некий нравственный образец для подражания, а строки 11–14 предупреждают о грозящей для него опасности. По другой версии, первые 10 строк — ирония, подводящая к заключительному экспрессивному осуждению. Смысл строк 7–8 зависит от истолкования притяжательного местоимения *их*, то есть управителями чьего совершенства являются «другие»: своего или «властелинов и собственников». Примечательно, что именно в этих спорных, мистических строках содержатся ольфакторные лексические единицы:

But if that **flow'r** with base **infection** meet,
The basest **weed** outbraves his **dignity**:
For **sweetest** things turn **sourest** by their deeds;
Lilies that fester smell far worse than weeds [12, С. 250].

Компонентный метод анализа ольфакторной лексики позволяет предложить решение указанной дилеммы. В последних строках сонета появляется глагол в необычном сочетании *fester smell far worse than weeds* (растравлять запах гораздо худший, чем от сорняков), который на фоне аналогичного словосочетания из сонета №69 *the rank smell of weeds* (аристократический запах сорняков) создает релевантный контекст, сравнивающий запах сорняков с запахом цветка лилии — не в пользу последней.

В словаре символики и эмблематики В.В. Похлебкина можно найти следующее пояснение: «Лилия — луковичное растение с крупными, красивыми цветами, которое ввиду 6-лепестковой структуры содействовало превращению ее в христианскую эмблему, хотя само по себе изображение пришло и существовало исключительно на Востоке» [9, С. 237]. В девятом веке лилию завозят во Францию, где стилизованное изображение цветка включается в герб Монархии. Посвященная Богородице, лилия символизировала «невинность», «непорочность». По другим источникам, образ лилии — вовсе не цветок, но пчела, символизирующая женскую мудрость. Как пчела собирает нектар с цветов, так и женщина извлекает мудрость из опыта повседневной жизни. Пчелы посвящались богине Венере, <...> поэтому это насекомое считается символом женского начала [9, С. 310].

Известно, что Франция на протяжении многих столетий была вражеским для Англии государством, как в плане геополитических притязаний, так и религиозного противостояния. В 1517 году высочайшим указом Генриха VIII в Англии был учрежден протестантизм, а Франция осталась католической. Благочестивые пуритане всячески искореняли эту конфессию на собственных землях. Так, со времен Столетней войны всё, что имело отсылку к французскому обретало резкую негативную семантическую нагрузку. В монографии Е.Ю. Петришиной звучит та же мысль: «Методом контекстуального анализа установлено, что «французское» в романе приобретает значение живого, фальшивого, напускного» [8, С. 114]. Соответственно, в контексте сонета №94 это словосочетание можно интерпретировать следующим образом: даже свои, английские, сорняки пахнут лучше, чем иноземные, варварские лилии. Загадка сонета может быть разрешена с помощью семантики ольфакторной лексики: универсальное Божественное Начало не должно разделяться на католическое или протестантское, мужское или женское. Сила — в синтезе, в единстве. Возникают вопросы: может ли семантический потенциал ольфакторных наименований иметь столь серьезное значение для декодирования текста? Влияют ли названия других цветов или другого адресата на семантический багаж изучаемого ЛСП?

В сонете №99 имеются указания не только на розу или лилию, но и на фиалку и майоран. По сведениям Дж. Дэвис и Дж. Сондерс, тайный язык цветов, зародившийся на Востоке, где друзья и влюбленные посылали друг другу сообщения именно с помощью безобидных на первый взгляд растений, был с энтузиазмом перенят и доведен до совершенства в Англии 16 века [4, С. 8]. Сонет, открывающийся серией риторических вопросов, построен на проведении аналогии между ароматом дыхания, оттенком кожи, цветом волос, яркостью румянца Возлюбленного и разнообразными цветами.

Редчайший сонет, который, вопреки традиционной форме, содержит не 14, но 15 строк. Факт отхождения от устоявшейся традиции, высокая плотность ольфакторных вкраплений, сильная, завершающая мужской цикл сонетов, позиция, повышенная метафоричность представляют еще одну научную загадку и заставляют ученых пристально вчитываться между строк. Культурологическое исследование Ренессансной Европы, проведенное Г. Зайцевым, подробно описывает склонность средневекового менталитета к иносказанию: «Это была эпоха ярких и красочных атрибутов, репрезентирующих ту или иную социальную роль. Каждый знак недвусмысленно отсылал к определенному социальному статусу» [5, С. 57].

Первая параллель выстраивается вокруг сладостного аромата фиалки и дыхания любовника, а также пурпурного великолетия первой и цветом ланит второго. Душистость фиалок не вызывает сомнения, она действительно обладает чудесным, головокружительным ароматом, который отмечается как один из ведущих семантических признаков в толковых словарях английского языка, что позволяет включить данную ЛЕ в число ольфакторных. Ярко-фиолетовый оттенок лепестков придает цветку королевский статус, но, будучи крайне невысокой и теневой в своем ареале распространения, фиалка метафорически стала обозначать такую добродетель Средневековья, как скромность. С одной стороны, логика аналогии присутствует, но с другой, фиалка, которую поэт обвиняет в воровстве, в пятой строке именуется источником пурпура для вен Друга, где этот цвет сгущен. С большой натяжкой, но более логично было бы истолковать это в том смысле, что фиалка украла пурпурный цвет из вен Друга, грубо сгустив его, что, конечно, нарушит принятую обществом семантику «скромности». Для сравнения представим укоренившиеся в Тюдоровскую эпоху представления об иных травах: «Считалось, что запах розмарина стимулирует память и укрепляет мозг. Лаванда помогает успокоить и охладить пыл страсти. Ладан ассоциировался со святостью и священным пространством» [3, С. 37]. Отметим, что подобным образом выводится еще одна концептуальная метафора поэтического дискурса Шекспира: только природное, оригинальное может иметь столько положительных черт, а навязанное извне, рожденное порочной человеческой натурой не может сравниться с чистотой природы.

Вторая параллель проводится между цветком Лилии и цветом кожи Друга. Метафорическое значение цветка рассмотрено при декодировании сонета №94. Однако символика белого цвета осталась не затронутой: чем светлее оттенки кожных покровов, чем выше иерархия носителя на социальной лестнице. О том же свидетельствует третья параллель — между цветами майорана и цветом волос Друга. Отметим тонкую игру слов, позволяющую не просто определить оттенок блонд, но и дополнительные семы красоты, честности, справедливости, незапятнанности имени, вежливости и учтивости обладателя.

Еще один пример языкового каламбура можно наблюдать в словосочетании *roses fearfully on thorns did stand*, что являет собой фразеологизм, соответствующий русскому «быть как на иголках». Символическое значение розы подробно описано при декодировании сонета №54. Именно с этим цветком (как белого, так и красного цвета) связано самое распространенное рассуждение поэта о Возлюбленном. Кульминация этого сравнения и его эмоциональное пророческое порицание (*червь поест ее в отлученье*) свидетельствуют о принадлежности Друга к высшей касте английского общества и могут служить ориентиром того, кому автор посвятил всю серию сонетов. На этот счет можно привести многочисленные точки зрения, но решение этого вопроса не входит в задачи предпринятого исследования. Мы свидетельствуем значимость семантического багажа ольфакторной лексики для интерпретативного анализа произведений: если творчество рассматривать как процесс квантования информации, получаемой из окружающей поэта среды, то поиск путей обратного синтеза не должен исключать всех возможных систем кодов. И чем сложнее система кодировки, тем значимей описанный поэтом квант реальности [10, С. 2]. Можем продолжить эту цепочку рассуждений: тем выше эмоциональный уровень вовлеченности писателя в описанный им конфликт, тем богаче семантика его сообщения [11].

Ю.М. Лотман предлагал рассматривать художественный текст как многократно закодированный [1, С. 141], но типологией этих кодов практически не занимался. Представленное в статье рассмотрение ольфакторного шифра в поэтическом дискурсе Шекспира однозначно поднимает эту проблему в ряды первостепенных задач современной стилистики декодирования. В этом мы усматриваем практическую ценность отработанного в статье алгоритма. Подобные исследования находятся на стыке взаимодополняющих начал многих актуальных наук — в том числе семантике эмоций, эмотиологии. Применительно к сонету №99 Шекспир использует такие эмотивные сигналы, как злость (об этом свидетельствует ЛЕ *chide*), презрение, осуждение (ЛЕ *condemn*), отчаяние (ЛЕ *despair, vengeful*), страх (ЛЕ *fearful*), порицание (ЛЕ *rebuke, shame*). Отметим, что выявленные ЛЕ содержат стилистические пометы и относятся к негативно заряженным.

Сонет №130 идейно и тематически относится к иному полуциклу; он посвящен Смуглой Даме.

My mistress' eyes are nothing like the sun;
Coral is far more red than her lips' red;
If snow be white, why then her breasts are dun;
If hairs be wires, black wires grow on her head;
I have seen **roses damasked**, red and white,
But no such roses see I in her cheeks;
And **in some pérfumes is there more delight**

Than in the breath that from my mistress reeks [12, С. 324].

Как и в сонете №99, здесь представлен целый ряд аналогий, правда, выстроенных в обратном ключе: солнце ярче глаз любимой, кораллы алее её губ, снег белее кожи, волосы грубее проволоки, духи благоуханней дыхания, музыка слаще звука голоса и т.д. Все до единого сравнения — не в пользу Женщины. В культурологическом исследовании Г. Зайцева указывается, что роль женщины в Средневековье была ничтожно мала: рожать и воспитывать детей. Это был мир мужчин, суверенов. Философское содержание сонета №130 воспринимается благодаря стилистической функции ольфакторных единиц, ярко проявляющих свойство неэксплицитности. Поскольку наше исследование посвящено именно семантическому потенциалу ольфакторной лексики, отметим значимое заключение: по аналогии с пятью чувствами, включающими обоняние, средневековый поэт уподобляет их различным проявлениям ума, включающим логику, воображение, фантазию, способность оценивать и память.

В эпиграмматических строках сжато приводится предметно-логическое содержание стихотворения: *I think my love as rare as any she belied with false compare* [12, С. 324]. Для стилистического анализа релевантно и то, что сонет представляет собой не последовательный ряд сравнений, и окказиональная сочетаемость слов («женщина, оболганная сравнениями»). Взаимодействие этих элементов создаёт такое информационное содержание, которое неизмеримо

выше суммы отдельных слов. А связано это с тем, что ольфакторный образ женщины уже введен автором поэтических строф в сонете №94 при описании цветка лилии. Женщина и есть цветок, уступающий розе (мужчине, Христу), но неизменно соперничающей с ней. Возникает ощущение сменяющих друг друга цивилизаций Патриархата и Матриархата, грандиозное движение в пространстве и времени сквозь века. Рассмотрение сонетного творчества У. Шекспира с ольфакторной точки зрения помогает увидеть его как единое целое, установить неэксплицитные семы, дополнительные коннотативные значения слов, аккумулировать единое настроение, эмоции, которые иррадируют и конвергируют по тексту в определенном ритме, воздействуя на макроконтент. На каждом этапе декодирования ольфакторная лексика в поэтическом дискурсе Шекспира позволяет получить представление о состоянии иной сигнальной системы Средневековья.

Заключение

Ольфакторную лексику можно представить в виде различных напластований как результат «осадка» культурной жизни разных эпох, в которой выделяются следующие типы сем:

- 1) универсальная или общечеловеческая;
- 2) национально-культурная, обусловленная жизнью человека в определенной среде;
- 3) социальная, обусловленная принадлежностью человека к определенному социальному слою;
- 4) групповая, обусловленная принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе;
- 5) индивидуальная, формируемая под влиянием личностных особенностей — образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологии.

Анализ поэтического дискурса Шекспира позволяет сделать вывод, что ольфакторная лексика Средневековья имела более широкий охват категорий. К выявленным ранее добавляются категории «мистичности», «болезни», «религии», «времени», «правды», «природы». Основанный на метонимической смежности перенос названий цветов и трав, обладающих ярко выраженным запахом, позволяет включить категорию «флора» в составленную номенклатуру. При этом каждое растение развивает дополнительные символические значения, которые «отягощены» семантикой социально-групповой оценки, то есть регламентируемой определенной целью применения восприятия того или иного объекта в соответствии с оценочной шкалой, установленной общественной культурной формацией.

Согласно проведенному в представленной статье исследованию семантического радиуса ольфакторной лексики в поэтическом дискурсе, восприятие запахов связывалось с физическими и эмоциональными ощущениями, представляющими уникальные образы. В поэтике Шекспира запах воспринимается как источник правды, тепла, любви, вдохновения, энергии, но также мог ассоциироваться с грехами и болезнями. Ольфакторика и поэтический дискурс переплетаются друг с другом, поскольку поэзия непременно опирается на сенсорные переживания для создания эмоционально окрашенных образов. Поэт использует ольфакторную лексику, чтобы вызвать у читателя катарсис и оказать на реципиента сильное эмоциональное воздействие.

Процесс авторского творчества — многократное сжатие, квантование и кодирование внешней информации — сложнейший категориально-семиотический процесс. Каждая эпоха, культура, период вносят дополнительные оттенки значений, которые создают уникальную вариацию прочтения текстов. Современное прочтение произведений прошлого неизбежно включает жизненный, исторический, общекультурный и эмоциональный опыт человечества, каждый из которых накладывает дополнительные семантические значения.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность моим любимым родителям.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Закирова Н.Н., Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В.Г. Короленко, Глазов
Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.65.19.1>

Acknowledgement

I express my sincere gratitude to my beloved parents.

Conflict of Interest

None declared.

Review

Zakirova N.N., Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko, Glazov Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.65.19.1>

Список литературы / References

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сборник статей / И.В. Арнольд; науч. ред. П.Е. Бухаркин. — 4-е издание. — Москва : Ленанд, 2016. — 448 с.
2. Баррет Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями / Л.Ф. Баррет; пер. с англ. Е. Поникирова. — Москва : Литрес, 2018. — 347 с.
3. Гудман Р. Как жить в эпоху Тюдоров: Повседневная реальность в Англии XVI века / Р. Гудман; пер. с англ. А.А. Белимовой. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 384 с.
4. Дэвис Дж. Тайный язык цветов / Дж. Дэвис, Дж. Сондерс; пер. с англ. О. Лисенковой. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 128 с.
5. Зайцев Г. Таинство пути: культурологическое исследование второго септенера Старшего Аркана Таро / Г. Зайцев. — Москва : Касталия, 2017. — 412 с.

6. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века (на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М.В. Игнатович. — Москва, 2011. — 22 с.
7. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии (интерпретация секретных учений, скрытых ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен) / М.П. Холл; пер. с англ. В.В. Целищева. — Санкт-Петербург : СПИКС, 1994. — 793 с.
8. Петришина Е.Ю. Концепт «Change / Изменение» в английской лингвокультуре XIX века (на материале романа Дж. Фаулза "The French Lieutenant's Woman") / Е.Ю. Петришина. — Москва : Издательство МГОУ, 2010. — 186 с.
9. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики / В.В. Похлебкин. — 3-е изд. — Москва : Международные отношения, 2001. — 560 с.
10. Пугачева Е.Ю. Чувствование и предчувствование как проявление модальности в дневниковом дискурсе Н.Н. Толстого и Дж. Р. Фаулза в сопоставительном аспекте / Е.Ю. Пугачева // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — № 2 (62). — DOI: 10.60797/RULB.2025.62.13.
11. Пугачева Е.Ю. Эмотивный модус ольфакторных вкраплений в поэтическом дискурсе / Е.Ю. Пугачева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 3 (153). — DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.77.
12. Шекспир У. Сонеты: Антология современных переводов / У. Шекспир; пер. с англ. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 384 с.
13. Bloomsbury Dictionary of Euphemisms / edited by John Ayto. — Revised edition. — Encarta World English Dictionary, 2000. — 332 p.
14. Bloomsbury Dictionary of Word Origins / edited by John Ayto. — Revised edition. — Encarta World English Dictionary, 2001. — 583 p.
15. Borman T. The Private Lives of the Tudors: Uncovering the secrets of Britain's Greatest Dynasty / T. Borman. — Hodder, 2016. — 448 p.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture. — 4th impression. — Harlow : Longman, 2000. — 1568 p.
17. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms / compiled by A. Spooner. — Reissued with main text updated. — Oxford University Press, 2005. — 572 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arnold I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' [Semantics. Stylistics. Intertextuality] : collection of articles / I.V. Arnold; scientific editor P.E. Bukharkin. — 4th edition. — Moscow : Lenand, 2016. — 448 p. [in Russian]
2. Barrett L.F. Kak rozhdayutsya emocii. Revolyuciya v ponimanii mozga i upravlenii emociyami [How Emotions Are Made: The Secret Life of the Brain] / L.F. Barrett; transl. from Eng. by E. Ponikarov. — Moscow : Litres, 2018. — 347 p. [in Russian]
3. Goodman R. Kak zhit' v epohu Tyudorov: Povsednevnyaya real'nost' v Anglii XVI veka [How to Be a Tudor: A Dawn-to-Dusk Guide to Tudor Life] / R. Goodman; transl. from Eng. by A.A. Belimova. — Moscow : KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021. — 384 p. [in Russian]
4. Davies G. Tajnyj yazyk cvetov [The Romantic Language of Flowers] / G. Davies, G. Saunders; transl. from Eng. by O. Lisenkova. — Moscow : KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021. — 128 p. [in Russian]
5. Zaitsev G. Tainstvo puti: kul'turologicheskoe issledovanie vtorogo septenera Starshego Arkana Taro [The Sacrament of the Path: A Cultural Study of the Second Septenary of the Major Arcana of Tarot] / G. Zaitsev. — Moscow : Kastaliya, 2017. — 412 p. [in Russian]
6. Ignatovich M.V. Kul'turnaya adaptatsiya intertekstual'nykh vkluchenij pri perevode proizvedenij anglijskoj literatury XX veka (na materiale romanov T. Pratchetta i ih perevodov na russkij yazyk) [Cultural Adaptation of Intertextual Inclusions in the Translation of 20th Century English Literature (based on the novels of T. Pratchett and their Russian translations)] : abst. of dis. ... of PhD in Philology : 10.02.20. — Moscow, 2011. — 22 p. [in Russian]
7. Hall M.P. Enciklopedicheskoe izlozhenie masonskoj, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejcerovskoj simvolicheskoy filosofii [The Secret Teachings of All Ages] / M.P. Hall; transl. from Eng. V.V. Celishchev. — Saint Petersburg : SPIKS, 1994. — 793 p. [in Russian]
8. Petrishina E.Yu. Koncept "Change / Izmenenie" v anglijskoj lingvokul'ture XIX veka [The Concept of "Change" in 19th Century English Linguoculture] / E.Yu. Petrishina. — Moscow : Moscow State Regional University Publishing House, 2010. — 186 p. [in Russian]
9. Pohlebkina V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simboliki i emblematiki [Dictionary of International Symbols and Emblems] / V.V. Pohlebkina. — 3rd edition. — Moscow : International Relations, 2001. — 560 p. [in Russian]
10. Pugačeva E.Y. Chuvstvovanie i predchuvstvovanie kak proyavlenie modal'nosti v dnevnikovom diskurse N.N. Tolstogo i Dzh. R. Faulza v sopostavitel'nom aspekte [Feeling and Premonition as a Manifestation of Modality in the Diary Discourse of I.N. Tolstoy and J.R. Fowles in a Comparative Aspect] / E.Y. Pugačeva // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — № 2 (62). — DOI: 10.60797/RULB.2025.62.13. [in Russian]
11. Pugačeva E.Y. Emotivnyj modus ol'faktornykh vkraplenij v poeticheskom diskurse [Emotive Mode of Olfactory Inclusions in Poetic Discourse] / E.Y. Pugačeva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — 2025. — № 3 (153). — DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.77. [in Russian]
12. Shekspir U. Sonety: Antologiya sovremennykh perevodov [Sonnets: Anthology of Modern Translations] / U. Shekspir; transl. from Eng. — Saint Petersburg : Azbuka-klassika, 2005. — 384 p. [in Russian]
13. Bloomsbury Dictionary of Euphemisms / edited by John Ayto. — Revised edition. — Encarta World English Dictionary, 2000. — 332 p.

14. Bloomsbury Dictionary of Word Origins / edited by John Ayto. — Revised edition. — Encarta World English Dictionary, 2001. — 583 p.
15. Borman T. The Private Lives of the Tudors: Uncovering the secrets of Britain's Greatest Dynasty / T. Borman. — Hodder, 2016. — 448 p.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture. — 4th impression. — Harlow : Longman, 2000. — 1568 p.
17. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms / compiled by A. Spooner. — Reissued with main text updated. — Oxford University Press, 2005. — 572 p.